

1981

3

ЮНОСТЬ

XX 532
—
8

Н. КИРЕЕВ (Минск).

Светлый день.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1955
ГОДУ

1981
март
(310)

3

ЮНОСТЬ

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ

Редакционная коллегия:
А. Г. АЛЕКСИН
В. И. АМЛИНСКИЙ
Б. Л. ВАСИЛЬЕВ
В. Н. ГОРЯЕВ
А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ
(зам. главного редактора)
С. Н. ЕСИН
Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ
Н. М. ЗЛОТНИКОВ
Р. Ф. КАЗАКОВА
К. В. КОВАЛЬДЖИ
К. Ш. КУЛИЕВ
М. Л. ОЗЕРОВА
А. Г. ПОТЕМКИН
А. С. ПЬЯНОВ
(ответственный секретарь)
В. А. ТИТОВ
А. В. ФРОЛОВ

Издательство «Правда».
Москва

Адрес редакции: 101524, ГСП,
Москва, К-6, улица Горького № 32/1.
Телефон редакции: 251-32-83.

В НОМЕРЕ:

Проза

Евгений ЕВТУШЕНКО. Ардабиола. Фантастическая повесть	10
Валерий ПОВОЛЯЕВ. Два рассказа	41
Савва ДАНГУЛОВ. Крутина. Рассказ	60
И. МЕТТЕР. Благородная дворянка. Рассказ	67

Поэзия

Алим КЕШОКОВ	9
Леонард ЛАВЛИНСКИЙ	38
Елена АНАНЬЕВА	39
Ирина ПАНОВА	40
Лидия ГРИГОРЬЕВА	40
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ	70
Музафер ДЗАСОХОВ	72
Виктор ПОТИЕВСКИЙ	72
Андрей ДЕМЕНТЬЕВ	73
Владимир САЛКОВ	76
Василий РЫКОВ	76

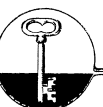
Публицистика

Степень роста	3
Игорь ПЕЧЕНЕВ. Суть дела	77

Критика

Л. ОСИПОВА. Навстречу истине	81
Алла КИРЕЕВА. Рифмованные грехи, или ненужные стихи на нужные темы	84
Эрнст ГЕНРИ. Бесстрашие	88
Виктор ТЕЛЬПУГОВ. Не только в лицо...	90
Анатолий АЛЕКСИН. С добрым утром!	91
Лилия НАППЕЛЬБАУМ. Стихи за тридцать лет	92
Сергей ПОТАШОВ. «...Трудиться на всю катушку»	93

Факты и поиски

Мargarита НОГТЕВА. Одна, но пламенная страсть	94
Виктор МАРЬЯНОВСКИЙ. Клоун нашел клоунессу	96

Спорт

Юрий ЗЕРЧАНИНОВ. Вес взят	98
-------------------------------------	----

Наука и техника

Что же такое конструктивная география!	105
--	-----

«Зеленый портфель»

Инна ГАМАЗКОВА. Незримый бой	110
Галка ГАЛКИНА. Каков вопрос — таков ответ	111
Алексей САФРОНОВ. Угол падения равен углу отражения	112
Валерий МАГАПА. Литературная пародия	112

1—4-я стр. — оформление обложки В. Е. Орлова.

Макет
Л. К. Зябкиной.

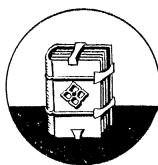
Главный художник
Ю. А. Цишевский.

Художественный редактор
О. С. Кокин.

Технический редактор
А. В. Сальников.

Сдано в набор 9.01.81 г.
Подп. к печ. 24.02.81 г.
А 09921.
Формат 84×108^{1/16}.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 12,18.
Учетно-изд. л. 17,62.
Тираж 3 037 000 экз.
Изд. № 752.
Заказ № 25.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865. Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

ЭРНСТ
ГЕНРИ

БЕССТРАШНЫЕ

Простой рассказ о жизни человека, фигура которого стоит в центре этой книги (В. Долгий. «Разбег». Политиздат, 1980 г.), читается как увлекательный роман. Сам он никогда бы не согласился с такой оценкой его биографии и со свойственной ему резкостью обрушился бы на каждого, кто нашел бы в нем что-либо романтическое. Слово это в его время не было в особом почете, этого слова даже стеснялись. Но именно такие люди, как Осип Пятницкий — он же Иосиф Таршис, «Пятница», «Фрейтаг», «Альберт», «Михаил», — еще с начала нашего столетия помогали на самых опасных постах готовить революцию в России, совершая удивительные по историческим последствиям дела. Они ничего и никого не боялись.

Хотя книга В. Долгого охватывает только два десятилетия в биографии Пятницкого — самые трудные, самые опасные десятилетия, — этого достаточно, чтобы увидеть его перед собой, понять его. Опираясь на многочисленные архивные материалы, полицейские документы, высказывания современников, собственные записки Пятницкого, автор как бы ведет дневник его жизни в это критическое время. Как же жил этот человек?

Вот отрывок из собственных воспоминаний Пятницкого, относящийся к 1901 г., когда он на русско-германской границе занимался транспортировкой из-за рубежа революционной литературы, в частности «Искры». Ему было 19 лет.

Каждый тюк весил три пуда, и Пятницкий тащил его на спине. «Груз был тяжелый, — вспоминал он впоследствии, — извозчика поблизости не было, да и денег у меня не было: все, что было, я отдал вознице и чиновнику (на таможне. — Э. Г.). Я свалился. С трудом мне удалось, перекаtywая корзину с боку на бок, добраться до набережной».

Это была его обычная работа. Товарищ, который помогал Пятницкому в таких делах, был пойман жандармами. Его избили до потери сознания; в зимнее время, таская из участка на допрос, голым водили по улицам и посадили в тюрьму, где он повесился.

Еще перед тем, 13-летним мальчиком, Пятницкий стал учеником в портняжной мастерской, где работал по 15—18 часов в сутки, получая за это гроши... Спал на столе. Когда в мастерской не хватало работы, он голодал. К тому же не хватало одежды и

обуви. Как выйти на улицу? Один ботинок был мужской, другой женский. Но все было нипочем.

Подпольная работа началась с 16 лет. На долю Пятницкого выпадали все более трудные, все более опасные дела. На счету временами был каждый час, каждая минута, а дышать приходилось ровно, иначе было не выдержать.

Так шли отроческие годы; жизнь без отпусков, без семьи, без уверенности, где будешь спать завтра, будешь ли жить завтра. Теперь все это не так легко себе представить. Но ни о какой другой жизни тот, с которым это происходило, не думал. Он был счастлив. «Я знал, что это нужно для пролетариата, для дела, значит, можно идти на риск, на арест, на избиение, на все», — вспоминал он потом. Такова была его профессия, одна из самых примечательных в летописях нашей эпохи. Пятницкий был так называемым «техником» революции.

Можно утверждать, что каждой большой революции предшествует конспиративное предисловие — работа в подполье. Еще Спартак начинал с конспирации. Но, вероятно, ни одной политической партии в мире не приходилось в ходе подготовки к революции так много и так широко заниматься подпольной работой, как партии большевиков. Специалистом по технической стороне дела и был Пятницкий. Он мог считаться своего рода инженером подполья, а это в то время значило много; так много, что от людей его толка сплошь и рядом зависело существование организации.

Революционная конспирация была своего рода наукой, но в то же время и искусством. Научиться ее правилам мог почти каждый, но далеко не каждый мог стать мастером этого дела. Надо было не только знать, но и чувствовать противника; не только наблюдать, но и видеть «вторыми глазами» на затылке; не только остерегаться, но и молниеносно перехватывать инициативу.

Обычно оказывалось, что для испытуемого дело было не только в практике, нужен был особый талант и нужно было страстное, неудержимое увлечение делом. Такие большевистские «техники» подполья оставались юными и в 50 лет. Нередко они сгорали, но как будто не старели. Это тоже факт, которому многие удивлялись и тогда.

Пятницкий принадлежал к самым молодым из таких. Этот бывший портняжный подмастерье действительно был прирожденным революционным конспиратором. Он знал свое ремесло, как мало кто другой, и почти всегда ухитрялся думать вперед. Конспиратор меньше кого бы то ни было вправе быть консерватором; тогда он обречен. Он обязан всегда придумывать нечто новое.

Когда Пятницкий в 1903 г. (ему был 21 год) заметил, что царская таможенная полиция стала распознавать принятые для пересылки революционной литературы стандартные чемоданы с двойным дном, он изобрел так называемые «панцири» — специальные вместительные жилеты для мужчин и лифы и юбки для женщин. Каждый такой «транспортёр» мог брать с собой от 200 до 400 экземпляров «Искры», печатавшейся на точнейшей бумаге. Метод этот назывался «транспорт-экспресс». Пробыть в таком

«панцире» 5 дней летом в жару, рассказывал сам Пятницкий, «было ужасно, но зато какая была радость, когда организации получали литературу!»

Еще важнее, чем избрательность и осторожность, для большевистского подпольщика было нечто иное. Один из главных секретов успешной революционной конспирации очень прост: нельзя трусить. Человек, который на такой работе испытывает страх, рано или поздно себя выдает. Шпик, если он тоже специалист в этих делах, ощущает страх у другого и начинает присматриваться. Верно, конечно, что корни страха таятся в каждом. Но нужно, как на фронте, уметь его подавлять не только снаружи, но и в себе самом. Здесь в действительности и заложено самое главное в «технике».

Пятницкий это знал и это умел. Видимо, именно поэтому он так часто в самой трудной, «безнадежной» обстановке выходил сухим из воды. Со временем такое становится второй натурой. И все-таки ясно, какого огромного, непрерывного нервного напряжения все это требовало. Не всякому, даже самому убежденному и самому отважному человеку было под силу подобное напряжение.

Надо также учесть, что техника революционной конспирации в годы, когда этим делом занимался Пятницкий, была по сравнению с предыдущим периодом значительно осложнена. Это была во многом уже не та «классическая» техника подполья, которую в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века применяли народовольцы. Методы Желябова, Перовской, Михайлова, Кибальчича были теперь в ряде случаев непригодны. За два десятилетия со времени убийства Александра II царская полиция, испуганная подъемом рабочего движения, сумела усовершенствовать сыскное дело и расширить репрессивный аппарат. И все-таки Пятницкий и другие настоящие мастера большой «техники» подполья справлялись.

Вот почему политическая, по существу, книга В. Долгого о подпольной работе Пятницкого почти все время действительно читается как увлекательная приключенческая повесть. Приведем, к примеру, отрывок из нее.

Лето 1905 года. Разгар революционного движения в России. В. И. Ленин срочно направляет Пятницкого из Берлина в Одессу, где только что произошло восстание броненосца «Потемкин» и где необходимо перестроить большевистскую организацию. Поездка сопряжена с немалым риском, жандармы повсюду начеку. Пятницкий не строит себе иллюзий. Накануне отъезда, беседуя со своим преемником, он говорит: «Нет ничего опаснее в нашей работе, чем уповать на дурацкое счастье: авось пронесет, авось обрадуется... Я лично предпочитаю в таких случаях рассчитывать на худшее — это, знаешь ли, как-то заостряет нервы, заставляет быстрее соображать».

Русско-германскую границу Пятницкий переходит ночью ползком. На всякий случай в кармане фальшивый паспорт. Это еще далеко не конец затруднений. Н. К. Крупская сообщает из Женевы секретарю Одесского комитета большевиков С. И. Гусеву: «К вам поехал Пятница, но по старой явке, не знаю, найдет ли. Из Питера ему написали, что явка старая действует...»

Пятницкий находит верный путь, добирается до кипящей в политическом огне Одессы и сразу бросается в дело. Гусев пишет Ленину: «Состав комитета (большевиков в Одессе. — Э. Г.) подобрался прекрасный. Берга и Фрейтага вам нечего рекомендовать — великолепные работники...»

Пятницкий становится организатором одного из трех районов в Одессе, беря под особое руководство две наиболее крупные фабрики — табачную Попова

и чае-развесочную Высоцкого. Бывший портняжка, тащивший трехпудовые тюки через границу, носивший два различных ботинка на ногах, и здесь оказывается на месте. Из другого письма Гусева Ленину: «Какой великолепный организатор и агитатор Фрейтаг... Прямо не налюбуюсь на него...»

Пятницкий выдвигается руководителем назначенной на 16 октября 1905 г. массовой демонстрации в городе. Многие с сомнением качают головой: задача исключительно трудная. Мобилизованные царскими властями после восстания на «Потемкине» полиция и казаки наготове. Черносотенцы и люмпен-пролетарии устраивают погромы и пожары, город на военном положении. Но у Пятницкого свой ответ. В книге Долгого говорится о нем в эти дни: «Осип весь ушел в работу: с раннего утра беготня по городу, из конца в конец, и миллионы дел разом, и все надо удерживать в голове... Демонстрации бывали и раньше, но какие? Стихийные, случайные, малочисленные!»

16 октября 1905 г. Одесситы были изумлены: руководимая Пятницким колонна демонстрантов растягивается на добрую версту. На несколько часов ими занят центр города. Это бесспорный, немалый успех: в самое трудное время Одесса, казалось, повергнутая ниц, все еще остается одним из главных очагов революционного движения в России!

Конечно, Пятницкий расплачивается за это. Его арестовывают, полгода он сидит в тюрьме. Затем перебирается на новую работу в Москву. Еще одна глава в биографии. Ибо все это лишь эпизоды в лихорадочной, не знающей усталости жизни. «Отдыхает» он только в тюрьме или ссылке (во время первой мировой войны он проводит в ссылке 2 года и 7 месяцев).

Много позднее, уже в советское время, Пятницкий становится секретарем Исполкома основанного Лениным Коммунистического Интернационала, и перед ним раскрывается широчайшее поле международного рабочего движения. Он и тут в своей стихии. Автор книги считает, что 20 лет большевистского подполья были для Пятницкого своеобразным разбегом к его работе во всемирном масштабе коммунистического движения. Но еще до этого, томясь в мертвой сибирской глуши, Пятницкий, пишет автор, знал, «сколько ни отмерено ему жизни, как она дальше ни повернется, он никогда не свернет с пути, который с юных лет избрал для себя, никогда».

Перед нами не автобиография и не научное исследование, а художественное произведение, повесть, построенная на документальном материале, какие теперь пишутся нередко, хотя и не всегда удачно. Не придумано в этой повести ничего. Автор просто рассказывает о своем герое, без избитых хрестоматийных выражений, без искусственной приподнятости и без отклонения в сторону дешевого. Этого достаточно.

Думаю, что книга В. Долгого особенно заинтересует тех молодых, у которых стремление к романтике никогда не иссякает. О людях, подобных Пятницкому, надо помнить. Такими людьми, бесстрашными и верными, будет славен наш век.

Мать.

ЖИВОПИСЬ АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВА

Натюрморт.

Алексей Кириллов — коренной житель Пскова. Древние крепости, монастыри, желтые воды реки Великой... Чуть ли не все старинные памятники Псковщины перерисовал. И сейчас пейзаж по-прежнему остается любимым жанром художника. Негромкий, как принято говорить, немного грустный северный пейзаж по-разному общается со зрителем с полотен Кириллова. Он может быть и раскованным, мягким, пушисто-снежным — как с веранды старой усадьбы в «Тригорской зиме». А может быть и колючим, острым («Зима в Пскове»). А то, как в картине «Изборск», говорит голосом былин — величаво, торжественно. И все же интонация спокойной, дружеской беседы характернее для Кириллова. Потому-то, наверно, он и уделяет так много внимания натюрмортам — жанру очень сдержанному, интимному. Ведь привычные вещи в натюрморте оставляют свою повседневную житейскую службу и приходят к зрителю чуточку другими. Приподнято значительными, как в «Отцовском столе», веселыми и нарядными, как в «Рябине». А натюрморт Кириллова «Говорит Москва», попавший даже во всеобщую антологию лучших работ этого жанра (издательство «Искусство»), напоминает о тяжелой поре войны. Многое, оказывается, может сказать даже обыкновенная картонная тарелка старенького репродуктора... В последнее время Алексей Кириллов все чаще обращается к портрету. Что же увидел Кириллов, скажем, в лице поэта Павла Антокольского? Прежде всего — как возвышенна может быть старость, если жизнь была отдана чему-то значительному. Вообще Кирилловым создана целая галерея современников. Портреты лесников, строителей, изобретателей, людей искусства.

...Лица детей и бегущие по небу облака, древние камни или простая крестьянская утварь — все это наш мир, который внимательно взгляду открывается по-новому.

В. КРАЕВСКИЙ

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

Б4749

Индекс
71120

Цена 50 коп.

1981

3

ЮНОСТЬ

XX 532
—
8